

С. М. КУСМАУЛЬ

Российский государственный гуманитарный университет
(Москва, Россия)
kusmauls@yandex.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ПРИНЦИПОВ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОЙ ОРФОГРАФИИ В XVII В.

В статье описывается история формирования принципов церковнославянской орфографии в XVII в. От начала книгопечатания до конца XVII в. орфографическая система стандартного книжного регистра проходит четыре этапа развития. Принципы орфографии, которые определяют графический облик современного церковнославянского языка, в основном формируются в 1640-е гг., во время правления патриарх Иосифа (1642–1652). Применение принципа антистиха, принципа транслитерации основ греческих лексем и позиционного принципа изменяет церковнославянскую орфографию в середине XVII в. и формирует ученую разновидность (по терминологии В. М. Живова) стандартного книжного языка. Эти принципы определяют выбор дублетных букв в начале / в середине и конце слова у исконных лексем, а также в лексемах, заимствованных из греческого языка. Иногда разные принципы на некоторых участках графической системы пересекаются, что создает условия для вариативности написания. Выбор нужной дублетной буквы осуществляется на основе знания грамматических характеристик слова. В результате изменений, произошедших в 1640-х гг., орфография ученой разновидности книжного языка начинает отличаться от орфографии рукописных церковнославянских памятников того времени. Некоторые орфографические правила и принципы церковнославянского языка переходят и в светскую орфографию, которая формируется после Петровской реформы азбуки.

Ключевые слова: принципы церковнославянской орфографии, принцип антистиха, история орфографии, патриарх Иосиф, 1640-е гг.

Орфография церковнославянского языка в период, предшествующий формированию русского литературного языка, в последнее время привлекает внимание исследователей как печатных, так и рукописных текстов [Николенкова 2017; 2018]. При этом в одних случаях отмечается совпадение норм книгопечатной и рукописной орфографии, а в других — их отличие, которое объясняется прежде всего целенаправленной нормализаторской работой справщиков на Московском Печатном дворе в XVII в.

Книжная справа XVII в. довольно подробно рассмотрена с точки зрения текстологии и грамматики (например, [Успенский 2002: 411–471]), однако орфографические изменения во второй половине XVII в. остаются всё ещё мало изученными. Период XVII в. важен как промежуточный этап между рукописной эпохой и началом формирования русского литературного языка.

С одной стороны, видно, как развивающаяся орфографическая норма печатных книг постепенно начинает отличаться от рукописной традиции; с другой стороны, можно рассмотреть орфографическую норму, которая будет противопоставлять церковнославянский язык русскому литературному языку в XVIII в. По мнению В. М. Живова, в середине XVII в. формируется ученая разновидность стандартного церковнославянского языка [Живов 2017: 874–887], отличающаяся от простого церковнославянского языка своей обработанностью и ориентацией на грамматику. Эта ученая разновидность, пятый регистр письменного языка, станет важной вехой на пути создания русского литературного языка нового типа. В дальнейшем было бы интересно проследить соотношение орфографических систем «ученого» церковнославянского языка и других регистров письменного языка XVII в.

Цель данного исследования — выявить эволюцию орфографических принципов церковнославянского языка в процессе развития книгопечатания и показать их применение на практике в XVII в. Нами был проведен анализ орфографических изменений в печатных изданиях начиная с Апостола 1564 г. до середины XVII в. [Кусмауль 2018]. В выборках из различных богослужебных книг сделан статистический подсчет изменений в распределении дублетных букв, что позволило увидеть степень введения новой орфографической нормы и ее соответствия нормам грамматики 1648 г. Дальнейшее изучение орфографических изменений в процессе книжной sprawy XVII в. требует понимания того, на каких принципах основывалась церковнославянская орфографическая система и как эти принципы сформировались. Видимые противоречия в употреблении дублетных букв в разные периоды развития книгопечатания в Московской Руси объясняются применением разных орфографических принципов, которые изменялись одновременно с совершенствованием книгопечатного дела.

Принципы орфографии — это закономерности, лежащие в основе орфографической системы, общие основания для написания слов при наличии выбора, предоставляемого графикой.

Формирование принципов орфографии современного русского литературного языка начинается с момента создания гражданской азбуки в начале XVIII в. При создании гражданского шрифта меняется не только конфигурация букв, но и состав азбуки, что приводит к появлению новых орфографических правил и устранению старых правил и принципов, которые выработались в XVII в. в рамках строгой нормы книжного языка. Чтобы понять, от каких правил и принципов отказались при реформе азбуки в Петровскую эпоху, а какие сохранились и перешли в гражданскую азбуку, надо иметь представление о системе и принципах церковнославянской орфографии в XVII в. Кроме того, принципы церковнославянской орфографии, сформировавшиеся в XVII в., определяют орфографические правила и церковнославянского языка Нового времени, который существует парал-

тельно русскому литературному языку в XVIII–XXI вв., являясь источником обогащения последнего.

Основным орфографическим принципом современного русского литературного языка является фонематический принцип (по терминологии Московской фонологической школы), согласно которому буквы передают фонемный состав слова. Этому принципу сопутствуют традиционный (или исторический), фонетический и принцип дифференцированного написания.

Фонематический принцип является основным и для церковнославянского языка. В сочетании с традиционным принципом (сохранение буквы *ѣ* на конце слова и иногда в середине слова, написание буквы *н* после шипящих и некоторые другие особенности) он регулирует написание церковнославянского слова в том случае, если не возникает ситуации выбора графических средств. Например, для записи фонетической последовательности [или́] ѿли не требуется знания никаких дополнительных правил, кроме правил постановки надстрочных знаков, а для записи фонетической последовательности [живо́т] жиѡтъ надо помнить о традиционности написания буквы *н* после шипящих и о написании буквы *ѣ* на конце слова после твердых согласных. В тех случаях, когда возникает возможность выбора, предоставляемая графической системой, применяются другие принципы орфографии. Эти принципы формируются в процессе книгопечатания и развиваются на протяжении второй половины XVI — первой половины XVII в.

Графическая система церковнославянского языка для передачи одной и той же фонемы предоставляет выбор следующих дублетных букв: *о/ѡ* для /o/, *ѣ/н* для /i/, *ѡ/Ѹ* для /u/, *ѧ/Ѧ* для /'a/ или /ja/, *ѧ/Ѧ* после шипящих для /a/, *ѡ/н* после шипящих для /и/, *Ѧ/ѧ* для /ф/, *ѣ/ѥ* для /з/, а для выделения ударного слога три вида акцентных знаков: оксия (´), вария (`), камора (˘)¹.

После возникновения грамматического подхода к книжному языку в XV в.² начинаются попытки регламентации употребления дублетных букв и надстрочных знаков, порождающие различные грамматические (по большей части орфографические) сочинения³. В конце XVI — начале XVII в. в Юго-Западной Руси создаются две грамматики: Лаврентия Зизания (1596) и Мелетия Смотрицкого (1619), где орфографическим вопросам посвящаются специальные разделы. В Московской Руси в 1648 г. переиздается грамматика Смотрицкого, в которой существенно переработан орфографический и в некоторой степени морфологический разделы, а кроме того, до-

¹ Эти три акцентных знака проникают в восточнославянскую книжность в период «второго южнославянского влияния» с конца XIV в., см. [Гальченко 2000: 134].

² См. об этом, например, [Живов 2017: 821–865].

³ Многие из этих орфографических трактатов опубликованы в [Ягич 1895].

бавлены новые⁴. Московские справщики, хотя и опирались на уже имеющийся опыт кодификации церковнославянского языка, но всё же стремились создать свою норму. Это позволяет современным исследователям считать грамматику 1648 г. отдельным изданием, а не переизданием грамматики Смотрицкого. Именно грамматика 1648 г. является важной вехой в кодификации орфографической нормы церковнославянского языка великорусского извода. В ней кодифицируются орфографические нормы, сложившиеся в изданиях Московского Печатного двора (далее — МПД) в первой половине 1640-х гг.

Поскольку печатный текст требует определенного единообразия, орфография становится первостепенным вопросом при издании книг. Сначала орфографической регламентацией занимаются печатники, а потом справщики МПД. Развитие книгопечатания в Московской Руси и смена печатников и справщиков на МПД обуславливают изменение орфографических правил, смену этапов в развитии орфографической нормы и развитие орфографических принципов церковнославянского языка великорусского извода.

В истории становления орфографической нормы церковнославянского языка великорусского извода периода книгопечатания можно выделить четыре этапа: 1) вторая половина XVI — начало XVII в.; 2) 1620–1630-е гг.; 3) 1640-е гг.; 4) вторая половина XVII в. Со второй половины XVII в. орфографические нормы не изменяются, за исключением частных правил.

Первый этап орфографической справы начинается одновременно с возникновением книгопечатания в Московской Руси. В середине XVI в. в Москве работает анонимная типография, в 1564 г. выходит первая датированная печатная книга Апостол Ивана Федорова и Петра Мстиславца, затем в 1565 г. их же Часовник. После Ивана Федорова в Москве работают Андроник Невежа (1587–1602), Иван Невежин (1603–1611), Анисим Радишевский (1606–1610), Никита Фофанов (1609–1618), их работа завершается в период Смутного времени. Возобновляется работа МПД в 1614 г.

Второй этап начинается в начале 1620-х гг., когда на МПД появляется отдельная должность справщика, благодаря чему книжная справа приобретает систематический характер. Главными справщиками становятся Арсений Глухой и Антоний Крылов, благодаря которым справа приобретает грамматический характер.

На третьем этапе — в начале 1640-х гг. — на МПД меняется состав справщиков: вместо Арсения Глухого и Антония Крылова работают Иван Наседка, Михаил Рогов, Шестак Мартемьянов, старец Савватий и Захар Афанасьев. Даты выхода первых изданий с новой орфографической системой совпадают с началом патриаршества Иосифа (1642–1652): Псалтирь 1642 г., Службы и житие Николая Чудотворца 1643 г. и Пролог (вторая

⁴ Сравнение двух грамматик см. [Horbach 1964; Кузьмина 2007].

половина) 1643 г., поэтому эту справу можно назвать иосифовской. Именно в начале 1640-х гг. формируются основные принципы церковнославянской орфографии, которые применяются и в современное время. В орфографической справе 1640-х гг. можно выделить два направления: 1) переход от фонетического к лексико-морфологическому членению текста на слова и 2) ориентация на греческий язык. В рамках первого направления развивается позиционный принцип орфографии, в рамках второго — принцип транслитерации основ греческих лексем и принцип антистиха. Орфографические правила, выработанные в процессе книжной справы 1640-х гг., затем фиксируются в московской грамматике 1648 г.⁵, но орфографические принципы в грамматике эксплицитно не выражаются. Имплитное существование орфографических принципов позволяет изменять и добавлять орфографические правила в последующие годы, но не отступать от установленных принципов.

Четвертый этап начинается с реформ патриарха Никона в 1653–1655 гг. В это же время меняется состав справщиков: на МПД теперь работают Евфимий Чудовский, Арсений Грек, Иосиф Белый, игумен Сергей, иеромонах Тимофей, священник Никифор, старец Моисей. Несмотря на грандиозные реформы в богослужении, на редактирование текстов и изменение грамматического строя церковнославянского языка во второй половине XVII в., в орфографии церковных книг происходят совсем небольшие изменения по сравнению с 1640-ми гг. Кардинально меняется только одно правило у дублетов ѡ/Ѡ. Остальные изменения касаются устранения ошибок и недочетов предыдущего периода, а также развития принципа антистиха, то есть добавления позиций для противопоставления омонимичных форм.

Проследим развитие орфографических принципов церковнославянского языка печатных изданий со второй половины XVI в. до середины XVII в. по разным этапам. Поскольку во второй половине XVII в. принципы церковнославянской орфографии не меняются, то орфографические изменения этого периода мы подробно рассматривать не будем⁶.

Краткая характеристика принципов

Позиционный принцип основан на противопоставлении букв и графических вариантов по отношению к позиции в слове. Это именно орфографический принцип, не равный позиционному принципу графики в современном русском литературном языке, суть которого в том, что фонемное соответствие букве может быть установлено только с учетом ее позиции. По позиционному принципу церковнославянской орфографии распределе-

⁵ Об орфографической справе 1640-х гг. см. [Кусмауль 2014].

⁶ Об этом периоде см. [Кусмауль 2013].

ние дублетных букв зависит от позиции в слове: начало/начало слова/ слога, перед гласной/согласной, в ударном/безударном положении.

Маркирующий принцип направлен на выделение с помощью маркирующего графического средства определенной грамматической формы или определенной грамматической категории. В великорусском изводе церковнославянского языка маркирование осуществлялось по категории числа и не учитывало категорию падежа.

Принцип антистиха (от *греч.* ἀντίστοιχον — противопоставление) представляет собой противопоставление омонимичных грамматических форм. Этот принцип приходит в московскую книжность из греческого языка через югозападнорусское посредство. В греческом языке византийского периода принцип антистиха был связан с этимологией слова, например, звук [i] передавался буквами и сочетаниями букв: ι, η, ει, υ, υι, οι, что приводило к омофонии и к орфографическим ошибкам. Чтобы запомнить правописание одинаково звучащих слов, в византийском школьном обучении составлялись списки словесных пар — антистихов [Кузьмина 2001: 549]. В церковнославянском языке омонимичные грамматические формы совпадают не только по звучанию, но и по написанию. Для противопоставления грамматических и лексических омонимов в славянской традиции используются дублетные буквы и акцентные знаки. В 1640-х гг. принцип антистиха в московских изданиях осложняется принципом маркирования некоторых форм мн. ч. имен существительных, что во многом является подражанием греческой грамматике или происходит по аналогии.

Ориентация на греческий язык приводит к формированию принципа транслитерации основ греческих лексем: при передаче заимствованного слова выбирается та славянская дублетная буква, которая соответствует греческой.

Употребление одних и тех же дублетных букв может осуществляться по нескольким принципам в разных орфографических ситуациях. Орфографические принципы пересекаются и дополняют друг друга, а иногда осложняются некоторыми дополнительными правилами.

Рассмотрим сначала формирование каждого орфографического принципа по отдельности, а потом их пересечение.

Позиционный принцип

Развитие позиционного принципа в книгах церковной печати обусловлено переходом от фонетического к лексико-морфологическому членению текста на слова, постепенным освобождением от семантической и грамматической идеографичности и возникновением грамматического подхода к слову. Эволюция позиционного принципа у каждой пары дублетов происходит по-своему.

На первом этапе развития книгопечатной орфографической нормы (вторая половина XVI — начало XVII в.) основной позицией для распреде-

ления дублетных букв *ї/и* является позиция перед гласной/согласной. Приведем примеры из московского Апостола 1564 г. Ивана Федорова. Буква *ї* употребляется перед гласными (*ѡѣжїніѣ* 134 об.), а буква *и* перед согласными (*многїи* 135 об.). Для распределения дублетных букв *ѡ/ѡ* и *ѡ/ѡ* основными позициями являются начало/неначало слова/слога. Буква *ѡ* употребляется в начале слова (*ѡко* 139), изредка в начале слога (*поѡдѣтъ* 144, *наѡѣ* 213), но чаще в начале слога стоит буква *ѡ* (*поѡтъ* 221 об., *боѡзнь* 139 об.), как и не в начале слога (*вѣѣѡѡ* 135), то есть в позиции неначала слова независимо от других условий преимущественно употребляется буква *ѡ*. Буква *ѡ* ставится в начале слова/слога (*ѡѣні* 8, *поѡѣніѡѡ* 9), буква *ѡ* в середине и конце слова, если это не начало слога (*ѡѡѡ* 7). Исключением в отношении дублетов *ѡ/ѡ* является Евангелие 1606 г. Анисима Радишевского, в котором в начале слова употребляется диграф *ѡѡ*, а в середине и конце слова независимо от начала/неначала слога — диграф *ѡѡ* и лигатура *ѡѡ* с перевесом в сторону *ѡѡ* (80 и 20% примеров соответственно в выборке из 50 листов⁷), например: *ѡѡѡѡ* 52 об. и *ѡѡѡѡ* 51 об., *ѡѡѡ* 56 и *ѡѡѡ* 57, *ѡѡѡ* 60 об. и *ѡѡѡ* 60 об. и др.

В распределении же дублетов *ѡ/ѡ* у каждого печатника прослеживается своя традиция. Иван Федоров не противопоставляет начало/неначало слова с фонемой /ѡ/ и во всех позициях ставит букву *ѡ*: *ѡѡѡѡ* 137, *ѡѡѡѡ* 212 об. Андроник Невежа в начале слова преимущественно печатает букву *ѡ*, а в середине и конце слова только букву *ѡ*, например в Минее общей 1600 г.: *ѡѡѡѡѡ* 3, *ѡѡѡѡѡ* 8 об., *ѡѡѡѡѡ* 141, *ѡѡѡ* 324. Такой же традиции придерживается и его сын Иван Невежин, например в Триоди Цветной 1604 г., Апостоле 1606 г. Печатники Анисим Радишевский и Никита Фофанов выбирают другие системы распределения *ѡ/ѡ*. В Евангелии 1606 г. Анисима Радишевского данные дублеты передают две фонемы /ѡ/ «закрытое» (*ѡ*) и /ѡ/ «открытое» (*ѡ*) по «украинскому» принципу, а в Минее общей 1609 г. Никиты Фофанова в середине слова присутствует sporadическое выделение буквой *ѡ* форм мн. ч. разных частей речи (подробнее о распределении дублетов *ѡ/ѡ* в изданиях второй половины XVI — начала XVII в. см. [Кусмауль 2016a]).

На позиционный принцип в первопечатных книгах накладываются другие второстепенные принципы, поэтому возникают на первый взгляд отступления от описанного распределения. Например, буква *ѡ* иногда могла быть в середине слова, но это происходило только в заимствованных словах (прежде всего в имени *ѡѡѡѡѡ*, в остальных словах практически не встречается). Буква *ї* печаталась перед согласными, но только в корне *-един-* как идеографическое средство передачи значения единичности (например, в Апостоле 1564 г.: *ѡѡѡѡѡѡѡ* 3 об., *ѡѡѡѡѡ* 4, *ѡѡѡѡѡѡѡѡѡ* 223). При этом значимый перевес написаний *-ѡѡ-* над написанием *-ѡѡ-* наблюдается только у Ивана Федорова: Апостол 1564 г. 89,2 и 10,8% соответ-

⁷ Исследованы лл. 40–89.

венно (выборка 53 листа⁸). В последующих изданиях других печатников процент написания корня *-един-* с буквой *ї* постепенно сокращается, пока в 1640-х гг. не сводится к нулю. Например, в Апостоле 1597 г. Андроника Невежи написание корня *-един-* с буквой *ї* составляет 25,7% (выборка 61 лист⁹) от общего числа слов с этим корнем, в Минее общей 1600 г. Андроника Невежи 38,6% (выборка 101 лист¹⁰), а в Минее общей 1618 г., изданной на МПД, — 16% (выборка 135 листов¹¹); в Октоихе 1638 г. — 11,2% (выборка 45 листов¹²), а в Октоихе 1649 г. в той же выборке листов¹³ не остается ни одного примера.

На втором этапе развития орфографической нормы (1620-е гг.) у дублетов *ї/и* применение общего правила расширяется, включая запись союза *и*, печатавшегося слитно со знаменательными словами: как *ї* перед гласными, как *и* перед согласными. Например, в февральской Минее 1622 г.: *їоуѣрепї* 53 об., *їрѣкїма* 29. В это же время из позиционного противопоставления начала/начала слова исключаются дублеты *ѡ/ѡ*, которые распределяются уже по маркирующему принципу (см. ниже). Но одновременно в это противопоставление вовлекаются дублеты *ѣ/ѣ*, на употребление которых накладываются дополнительные ограничения. В 1620-х гг. буква *ѣ* *широкое* употребляется в основном в начале полных слов (например, в февральской Минее 1622 г.: *ѣтїтїкѡ* 31), тогда как в презенсе глагола *бїгїи* и в связках перфекта преимущественно употребляется буква *ѣ* *узкое* (там же: *ѣтї* 30, *бїлїз* *їи* 31). В связи с этим процент примеров с буквой *ѣ* оказывается невысоким. Количество таких примеров в 1620–1630-х гг. постепенно увеличивается, но всё же и во второй половине 1630-х гг. лишь немногим превышает 60% (например, в февральской Минее 1622 г. — 33%, в Апостоле 1631 г. и в декабрьской Минее 1636 г. — 60,6%). Принцип распределения дублетов *ѣ/ѣ* относительно начала/начала слова реализуется на этом этапе не до конца.

На третьем этапе развития орфографической нормы (1640-е гг.) происходят различные изменения в позиционном распределении дублетов. Переход от фонетического к лексико-морфологическому членению текста на слова, постепенно осуществлявшийся в печатных книгах с начала книгопечатания [Осипов 2010: 261], в 1640-х гг. приводит к отделению пробелом служебных слов от знаменательных. Это в свою очередь активизирует внимание к позиции начала слова и к морфеме слова.

В 1640-х гг. употребление *ѣ* *широкого* распространяется на все слова с начальным *е-* (например, в декабрьской Минее 1636 г. это 60,6%, а в изда-

⁸ Исследованы лл. 3–20 об., 134–146 об., 159–165 об., 212–226 об.

⁹ Исследованы лл. 1–21, 153–167 об., 181–188 об., 241–258.

¹⁰ Исследованы лл. 1–20 об., 134–163 об., 282–332 об.

¹¹ Исследованы лл. 1–28, 179–218, 375–442.

¹² Исследованы лл. 301–345 об.

¹³ Исследованы лл. 307–352.

нии 1645 г. — 100%), то есть противопоставление относительно начала/нечала слова реализуется в полной мере. Но одновременно ѣ появляется в середине и конце слова после гласных ї, є, о, что можно рассматривать как явление графического расподобления (например, Пролог 1643 г.: кїѣни 404, гонїніѣ 404 об., ѣвоѣй 414, нѣноѣ 411, вѣѣнѣ 55 об., чюѣѣ 408). Однако такое употребление буквы ѣ носит спорадический характер и постепенно сокращается к середине 1640-х гг. (в Прологе 1643 г. — 31,7%, а в декабрьской Минее 1645 г. — 8,6% от общего числа сочетаний *ие, ее, ое* в середине и конце слова). Это не меняет общего принципа, а служит скорее особым украшением текстов первой половины 1640-х гг., когда появляется своего рода мода на букву ѣ *широкое*.

Использование особого аллографа Ѡ широкой формы в начале слова приводит к возникновению пары Ѡ/о, которая распределяется относительно позиции начала/нечала слова (например, в декабрьской Минее 1645 г.: Ѡтроковїѣ 1 об., на Ѡдрѣ 1 об., Ѡцѣ 8 об.). Но дистрибуция этих дублетов ограничивается морфемой слова: Ѡ употребляется только в начале корня, тогда как в начале префикса печатается ѡ (там же: ѡнѣз 1, ѡкрѣстнѣ 224 об.). Другими словами, на позиционный принцип накладывается противопоставление начала морфем, которое, однако, не становится отдельным орфографическим принципом. Противопоставление морфем не распространяется, например, на все префиксы vs. корни. В грамматиках специально говорится о том, что надо употреблять букву о, а не букву ѡ в префиксах про-, го-, ко-, во-, по-, под-, протнво- (грамматика Смотрицкого 1619 г., л. 12, грамматика 1648 г., л. 57). Таким образом, употребление буквы ѡ в префиксах ѡ-, ѡб- маркирует только начало префикса, противопоставляя его началу корня, что нельзя назвать отдельным орфографическим принципом, а только частным орфографическим правилом.

У дублетов ѡ/а спорадическое употребление ѡ в позиции начала слога устраняется, в результате чего происходит однозначное распределение ѡ/а относительно начала/нечала слова (исключение местоимение ѡ). Например, в Октоихе 1638 г. проѡблѣютѣ 292 об., а в Октоихе 1649 г. проѡблѣютѣ 298 об. Отметим, что московские справщики не используют оппозицию ѡ/а для противопоставления омонимичных грамматических форм, как это предлагалось делать, например, в анонимной грамматике Син. 734 1620–1630-х гг.¹⁴: ѡже ед. ч. / ѡже мн. ч. (л. 18–18 об.).

У дублетов ѡ/Ѹ в 1640-х гг. позиции распределения кардинально меняются. Если раньше в начале слова/слога всегда был диграф ѡѸ, то теперь в этой позиции после букв о/ѡ появляется лигатура Ѹ (например, в декабрьской Минее 1645 г.: но Ѹцѣдрн 6, немїлостнѣнѡ Ѹнѣзвнхѣ 238 об.) или до слога с гласной о (нѣѸбонїмѣ 438). В позиции нечала слова важной становится ударное положение, где употребляется диграф ѡѸ (бѡѸдѣцѣ 1, вѣдѡхнѡѸ 2), в безударном положении всегда употребляется лигатура Ѹ

¹⁴ Об этой грамматике см. [Запольская 2010].

(прѣзднѣмъ 4, трепѣцѣ 7). В ударном положении лигатура ѣ появляется после слога с гласными о/ѡ (мольѣ 7, бѣомѣ драгѡ 8). На месте безударного ѡ, печатавшегося ранее в начале слога, появляется ѣ (поѣчѣхѣ 437). Два последних случая являются графическим расподоблением (избеганием повторения двух о как в контактном написании ѡѡ, так и в дистантном употреблении о и ѡ в соседних слогах).

Дублиеты ѣ/н освобождаются от дополнительных правил употребления, которые существовали в предыдущие периоды. Во-первых, союз и одновременно с отделением от знаменательной словоформы начинает печататься единообразно независимо от последующей гласной или согласной (например, в декабрьской Минее 1636 г.: ѣнѣполнѣти 1 об., ѣнѣмлѣнѣи 204 об., а в издании 1645 г.: ѣнѣполнѣти 1 об., ѣнѣмлѣнѣи 238 об.). Во-вторых, буква ѣ перестает использоваться в sg. словоформе ѣже, которая печаталась таким образом в 1620-х гг. (см. об этом ниже), sg. и pl. словоформы печатаются теперь одинаково как ѣже (например, в февральской Минее 1622 г. sg. — ѣже 28, а в издании 1646 г. — ѣже 45). В-третьих, московские справщики не следуют указаниям грамматики Смотрицкого 1619 г. (л. 10–10 об.), в которой предлагалось использовать как исключение букву н перед гласными в двух случаях: 1) в префиксе при- для сохранения единообразного написания данной морфемы; 2) во флексии прилагательных в форме ж. р. Р. п. ед. ч. (блгѣи жѣи) для противопоставления формам мн. ч. м. р. В. п. и ж. р. И.-В.-Зв. п. Хотя издатели грамматики 1648 г. перепечатают это правило из грамматики 1619 г. без изменений, но на практике не соблюдают его как в самой грамматике, так и в издаваемых текстах. В результате распределение дублетов ѣ/н относительно позиции перед гласной/согласной ничем не осложняется. Это правило оказалось наиболее устойчивым в русской письменности, оно соблюдалось и в гражданской печати XVIII — начала XX в.¹⁵ вплоть до орфографической реформы 1918 г., когда буква ѣ была устранена из алфавита.

Таким образом, в 1640-х гг. позиционный принцип церковнославянской орфографии в целом формируется в том виде, в каком он существует и в церковнославянском языке Нового времени.

На четвертом этапе (вторая половина XVII в.) изменяется правило употребления дублетов ѡ/ѡ. Справщики отказываются от сложного правила предыдущего периода и выбирают распределение относительно начала (ѡ) / неначала (ѡ) слова, которое предлагалось в грамматике Смотрицкого 1619 г. (л. 10 об.). Таким образом, употребление дублетов ѡ/ѡ подгоняется под принцип распределения относительно начала/неначала слова, подобно дублетам ѡ/ѡ, ѣ/ѣ, ѣ/ѣ.

¹⁵ Об орфографической регламентации в 1730-х гг. может свидетельствовать правка русского текста немецкой грамматики М. Шванвица В. Е. Адодуровым и Я. Штелином, которая касалась, в частности, «распределения букв и и ѣ (ѣ перед гласной, и в прочих случаях; этимологическое написание в заимствованных словах), ф и д, (этимологический принцип) и т. п.» [Живов 2017: 996].

Маркирующий принцип

Маркирующий принцип появляется в начале 1620-х гг. и в чистом виде применяется только в 1620–1630-х гг. Этот принцип определяет употребление дублетов *ω/о* и *ї/и* в зависимости от грамматической характеристики слова, прежде всего от категории числа. Если до этого этапа распределение букв *ω/о* зависело от позиции в слове (*ω* в начале слова, *о* в середине и конце слова), то в 1620-х гг. употребление *ω/о* подчиняется грамматической характеристике слова (*ω* в начале и в середине pl. словоформ, *о* в начале и в середине sg. словоформ). Например, в Апостоле 1623 г. буква *ω* в начале sg. словоформ (*ωїмени* 7 об., *ωбразъ* 156, *ωкорєи* 154 об.) и pl. словоформ (*ωбсѣхъ* 1, *ωбладѣмъ* 154 об.), а в Апостоле 1631 г. в начале sg. словоформ буква *о* (*оїмени* 7 об. bis, *образъ* 156, *окорєи* 154 об.), а в начале pl. словоформ буква *ω* (*ωбсѣхъ* 1, *ωбладѣмъ* 154 об.). В середине слова буква *ω* активно вводится в pl. словоформы там, где ее до этого не было. Например: в Апостоле 1623 г. было *градѡвъ* 9, *грѣхѡмъ* 10, *поглѣнницы* 161 об., *икѡрєи* 160, *нехѡцємъ* 153 об., *прѣтѣльшимъ* 243 об., а в Апостоле 1631 г. — *градѡвъ* 9, *грѣхѡмъ* 10, *поглѣнницы* 161 об., *икѡрєи* 160, *нехѡцємъ* 153 об., *прѣтѣльшимъ* 243 об. Буква *ω* ставится в любую морфему pl. словоформы любой части речи, где есть фонема /о/.

В sg. словоформе *иже* печатается буква *ї*, а в pl. словоформе *иже* — буква *и*, что является первым опытом снятия грамматической омонимии в Московской Руси. Такое нововведение впервые появляется в февральской Минее 1622 г., и оно связано с деятельностью справщика Арсения Глухого (подробнее об этом см. [Кусмауль 2016]).

Норма употребления *ω/о* и *ї/и* является не строго обязательной. Например, употребление буквы *ω* в февральской Минее 1622 г. в начале слова составляет 77,8%; в середине слова — 55,6% от общего числа pl. словоформ с /о/, а в Апостоле 1631 г. в начале слова — 84%; в середине слова — 44%. Употребление буквы *ї* в sg. словоформах *иже* в февральской Минее 1622 г. составляет 92,7%, в декабрьской Минее 1636 г. — 3,2%, а в Апостоле 1631 г. таких примеров не встретилось вовсе. Кроме того, данная норма является однонаправленной: в pl. словоформах могла быть как буква *ω*, так и буква *о*, но в sg. словоформах буква *ω* не использовалась; в sg. словоформе *иже* могла быть как буква *ї* (*їже*), так и буква *и* (*иже*), но в pl. словоформе *иже* буква *ї* никогда не печаталась.

Таким образом, формируется маркирующий принцип церковнославянской орфографии, когда определенной буквой маркируется определенная форма. Следствием применения этого принципа является, во-первых, изменение оформления начала слова с фонемой /о/: *о* или *ω* в зависимости от числа словоформы, а во-вторых, графическое расподобление ед. ч. и мн. ч. в словоформах *иже*. Однако в том виде, в каком сложился маркирующий принцип в начале 1620-х гг., он просуществовал недолго, уже в начале 1640-х гг. от него отказываются, заменяя позиционным принципом и принципом антистиха.

- ## Принцип антистиха

По этому же принципу противопоставляются и семантические омонимы *нѣзыкъ* ‘народ’ (греч. ἔθνος) / *лѣзыкъ* ‘орган речи, речь, язык пламени’ (греч. γλῶσσα): ‘народ’ *плѣннѣшѹ ѿмоу вѣмъ нѣзыкъ ѿвѣрѣиѣи* (Пролог 1643 г. л. 731) / ‘орган речи’ *всѣкъ лѣзыкъ славолюбивѣ* (там же, л. 798 об.), ‘речь’ *ѿще лѣзыки челоуѣческими глѹ* (Апостол 1644 г., л. 143 об.), ‘язык пламени’ *всѣмъ ѿвѣсѹ ѿгнь ѿутѣшительѣ снѣде нѣземлю, ѿкъ вѣнѣннѣи лѣзыкъ* (Триодь Цветная 1648 г., л. 512 об.).

По принципу антистиха в церковнославянском языке противопоставляются не просто омонимичные словоформы, а именно грамматические формы. Например, у существительного *пѡдвѣгъ* формы Т. ед. и Д. мн. противопоставляются местом ударения *пѡдвѣгомъ* / *пѡдвѣгѡмъ*, однако буква *ѡ* ставится во флексию Д. мн. *-омъ*, так как она становится признаком этой формы. Кроме того, иногда трудно найти омонимичную форму ед. ч. или другой части речи. Например, согласно церковнославянскому подкорпусу Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ)¹⁶, словоформа Д. мн. *тѣрѣдѣицимъ* встречается 24 раза, тогда как словоформа Т. ед. *тѣрѣдѣицимъ* — ни разу; наречие *ѡтѣрѣднѡ* встречается 670 раз, тогда как краткое прилагательное *ѡтѣрѣдно* — ни разу. Местоимение *он* в форме В. п. употребляется в сочетании с предлогом. Словоформы *нѣнь*, *зѣнь*, *внѣ* (декабрьская Минейя 1645 г.: *ѡповѣиу нѣнь* 367, *иконѣмъ зѣнь* 254 об., *внѣ предвѣрѣче* 257 об.) не омонимичны форме Р. п. *ѣгѡ* (*нѣгѡ*), однако в этой форме ставится *ѡ*, как и в остальных формах Р. ед. у адъективов (например, там же: *ѡ нѣгѡ просвѣщѣемъ* 8). Притяжательное местоимение *его* не изменяется по падежам, однако у него на конце ставится буква *ѡ*, так как в XVII в. это слово воспринималось как форма Р. п. (н *ѡтѣроцы ѣгѡ* там же, л. 222); на формальном уровне *ѣгѡ* в последнем примере ничем не отличается от формы Р. п. личного местоимения в словосочетании *показѣрѣиеніи ѣгѡ ѡтѣчѣ* (там же).

¹⁶ См. <http://www.ruscorpora.ru/search-orthlib.html>.

вопоставленную форму. Таким образом, по принципу антистиха не столько противопоставляются омонимичные словоформы, сколько дается указание графическими средствами на определенную форму мн. ч. (у сущ. буквы **ω**, **Ϸ** в Д. мн., Р. мн., у прич. буква **ы** в Д. мн. и т. д.), или ед. ч. (у адъективов буква **ω** в Р. ед.), или на определенную часть речи (буква **ω** в наречиях, буква **ь** на конце причастий). Таким образом, буквы **ω**, **Ϸ**, **ь**, **ъ** и **ы** после шипящих и акцентный знак камора становятся признаками определенных грамматических форм и частей речи, что позволяет не задумываться о противопоставлении, а употреблять данные графические средства в нужных формах. Именно эту имплицитную особенность принципа антистиха восприняли московские справщики 1640-х гг. и распространили на другие формы, что явилось уже их маркированием.

В 1640-х гг. маркирование не представляет отдельного орфографического принципа, являясь дополнением к принципу антистиха, оно отличается от маркирования предыдущего периода. Если в 1620–1630-е гг. буквой **ω** выделялись формы мн. ч. любой части речи в любой морфеме слова (по маркирующему принципу, см. выше), то в 1640-х гг. буква **ω** устраняется из форм мн. ч., кроме форм, которые омонимичны формам ед. ч. Например, в февральской Минее 1622 г. с буквой **ω** печатались словоформы: **кѡдѡмн** 33 об., **ѡнѡшн** (И. мн.) 34 об., 44 об., **ѡбѡзплѡтнѡмн** 30, 40, **ѡспѡлнѡшлѡ** 31 об. *bis*, **кѡпѡйѡцнѡх** 44, **тѡкѡнѡх** 105, а в издании 1646 г. эти же словоформы печатаются с буквой **о**: **кодѡмн** 50 об., **ѡношн** 51 об., **ѡношы** 60 об., **ѡбѡзплѡтнѡмн** 47, 56 об., **ѡспѡлнѡшлѡ** 48 об. *bis*, **кѡпѡйѡцнѡх** 60 об., **тѡкѡнѡх** 142. Но буква **ω** остается в формах Р. п. и Д. п. мн. ч., где она употребляется уже по принципу антистиха (например: **нѡложѡко** **ѡнѡмнѡ** **ѡзпрѡстѡмнѡ** Миней 1622 г., л. II 16 — Миней 1646 г., л. 163 об.; **кѡмыслѡннѡмнѡ** **прѡйде** **дѡрѡмнѡ** Миней 1622 г., л. II 15 об. — Миней 1646 г., л. 163 об.). Кроме того, буква **ω** остается в форме Р. п. мн. ч. у существительных ж. и ср. р., где омонимии с формами ед. ч. не возникает. То есть формы существительных ж. и ср. р. маркируются по аналогии с теми же формами существительных м. р. Маркирование формы Р. п. мн. ч. связано с ориентацией на греческий язык, начавшейся в 1640-х гг.

В греческом языке во флексии формы gen. pl. существительных всех трех родов употребляется буква *omega* (-ων), например: ἀνθρώπων, δόρων, ἐλπίδων; если флексия ударная, то над *омега* ставится обличенное ударение (-ῶν), например: γραφῶν, υἱῶν, νυκτῶν. Эти формы не омонимичны формам nom. sg. Московские книжники заимствуют идею выделения формы Р. п. мн. ч.: в основе и во флексии этой формы ставятся буква **ω** и/или акцентный знак каморы, которые соотносятся с греческой буквой **ω** и знаком обличенного ударения. При этом справщики расширяют графические средства по сравнению с греческим языком: по аналогии используется буква **Ϸ** *широкое*, соответствия которой нет в греческом языке. Это происходит у существительных всех трех родов, в результате чего принцип антистиха дополняется маркированием.

Приведем примеры маркированных форм Р. п. мн. ч. из декабрьской Минеи 1645 г.:

— существительные ж. и ср. р. Р. п. мн. ч. в основе с буквами *ω*, *Ϸ*, с акцентным знаком каморой: *нѡмнѡжествѣ* *цѣдрѡтъ* 362, *ѡ гл҃ла вѡдѣ* 385, *ѡдѣвнѣхъ* *окрѡвнѣхъ* 368, *н жѣнѣ* *бл҃голѣпїемъ* 236, *чюдѣхъ...* *подаднѣн* 439, *гдѣ* *н҃ла* *н҃амн* 358, *плѣчнѣхъ* *чл҃дѣ* *вѡнѣхъ* 376;

— существительные м. р. Р. п. мн. ч. с флексией *-ѡвѣ*, *-ѣвѣ*¹⁷: *вродѣхъ* *родѡвѣ* 8 об., *младѣнцѣвѣ...* *мнѡжествѣ* 442;

— существительные ж. р., м. р. и pl. tantum Р. п. мн. ч. с флексией *-ѣн*: *зл҃повѣдѣн* 2, *цр҃кѣн* 222, *моцѣн* 242.

Маркирование существительных ж. и ср. р. в основе слова (типа *цѣдрѡтъ*) по образцу греческой грамматики долго сохраняется в текстах (вплоть до XX в.¹⁸), хотя эти примеры и являются спорадическими, чаще всё-таки подобные словоформы печатаются с буквой *о*. Эта особенность не оговаривается в грамматиках и орфографических руководствах последующих веков. Флексии *-ѡвѣ*, *-ѣвѣ* входят в норму церковнославянского языка Нового времени¹⁹, а флексия *-ѣн* исчезает из текстов приблизительно в середине 1670-х гг.

К форме Р. п. мн. ч. добавляются еще некоторые формы мн. ч. существительных с маркирующей буквой *ѣ*, употребление которой не связано с греческой грамматикой:

— существительные ж. р. и pl. tantum Д. п. мн. ч. с флексией *-ѣмъ*: *к' зл҃повѣдѣ* 361 об., *лѣдѣмъ* 3, *дѣтѣмъ* 29 (это происходит по аналогии с той же формой существительных м. и ср. р.);

¹⁷ В грамматике Смотрицкого 1619 г. после парадигмы склонения слова *жр҃ецъ* дан орфографический комментарий об употреблении буквы *ѣ* во флексии формы Р. п. мн. ч. для отличия от формы краткого прилагательного на *-ѣвѣ*: *жр҃ецѣвѣ* *притяжательна* *нменительна* на *ѣ*. *Жр҃ецѣвѣ* *существительна* *родительный* *мн:* на *ѣ* (л. 51). Это указание опускается в грамматике 1648 г., но снова воспроизводится в переиздании 1721 г., осуществленном Федором Поликарповым (л. 47). Данное указание повторяется и в дальнейшем, например в справочнике по церковнославянской орфографии начала XX в. [Соколов 1907: 9]: Р. п. мн. ч. *жр҃ецѣвѣ*, *вр҃чѣвѣ* / притяж. прил. *жр҃ецѣвѣ*, *вр҃чѣвѣ*. Тем не менее употребление буквы *ѣ* во флексии *-ѣвѣ* мы не относим к принципу антистиха, поскольку, как представляется, формы прилагательных были искусственно созданными. Например, в церковнославянском подкорпусе НКРЯ прилагательные *жр҃ецѣвѣ*, *вр҃чѣвѣ* не встречаются, а прилагательное в форме *жр҃ецѣвѣ* встречается 1 раз. Системных противопоставлений не возникает. А существительные с флексией *-ѡвѣ* не противопоставляются притяжательным прилагательным. В грамматике Смотрицкого 1619 г. и в московской грамматике 1648 г. флексии *-ѡвѣ*, *-ѣвѣ* являются вариантами к нулевой флексии только у некоторых существительных, а активное распространение они получают уже в период никоновской справы, то есть после издания двух грамматик.

¹⁸ Например, в Октоихе 1906 г.: *кѡзлнцѣ* 123 об., *цѣдрѡтъ* 64, 107.

¹⁹ См., например, [Соколов 1907: 9, 12; Алипий 1991: 43–44, 46].

— существительные м. р. и pl. tantum И. п. мн. ч. с флексией *-īę*: *пѣстырѣ* 221 об., *ѡбѣрѣ* 429, *лѣдѣ* 8 об. (в данном случае употребление буквы *ę* во флексии является отражением своего рода моды на букву *ę* *широкое*, которая возникла в 1640-х гг.; ср. выше об употреблении *ę* в середине и конце слова после гласных, которое связано с позиционным принципом);

— существительные м. р., ж. р. и pl. tantum II. п. мн. ч. с флексией *-ęхъ*: *кѡ днѣхъ ѡнѣхъ* 222 об., *кѡ пѣнѣхъ* 17, *кѡ лѣдѣхъ* 433. Здесь буква *ę* выделяет формы мн. ч.

Итак, маркирование некоторых форм мн. ч. является дополнением принципа антистиха. Оно проходит следующее развитие: от (1) маркирования (1620–1630-х гг.) всех возможных морфем любой части речи (буквой *ѡ*), учитывающего только число словоформы, до (2) маркирования (1640-е гг.) только определенных грамматических форм, где учитывается число и падеж словоформы. При этом в 1620–1630-х гг. маркирование является отдельным орфографическим принципом, а в 1640-х гг. оно становится только дополнением к принципу антистиха. Характерно, что в 1640-х гг. маркирование осуществлялось только у существительных и для этого использовалась чаще буква *ę* *широкое*, чем другие графические средства.

Принцип антистиха становится одним из основных принципов распределения дублетных букв в церковнославянском языке начиная с 1640-х гг. Этот принцип становится признаком того варианта церковнославянского языка, который В. М. Живов назвал ученой разновидностью, формирующейся во второй половине XVII в. [Живов 2017: 874–887]. Реализация противопоставления омонимичных грамматических форм с помощью дублетных букв и акцентных знаков возможна только при специальной выучке, которая требует умения грамматического анализа слова. В результате эти навыки становятся собственностью справщиков МПД и критерием, определяющим элитарную книжную культуру. В Петровскую эпоху при создании «простого» языка происходит отказ от признаков книжности (см. об этом [Живов 1996: 98–124; 2017: 954–970]), куда, помимо грамматических особенностей, входит также принцип антистиха. Устранение из гражданской азбуки дублетных букв автоматически приводит к отказу от принципа антистиха, так как отсутствуют графические средства для противопоставления словоформ. Единственным наследием церковнославянского принципа антистиха в русском литературном языке Нового времени является употребление буквы *і* в корне *мір-* в значении ‘*космос, вселенная*’ в противоположность корню *мир-* в значении ‘*покой, спокойствие, тишина*’. Данное противопоставление утрачивается в 1918 г. после устранения из алфавита буквы *і*.

Принцип транслитерации основ греческих лексем

Принцип транслитерации основ греческих лексем в зачаточном виде существовал и в рукописной традиции, и в первопечатных книгах, но его

окончательное формирование приходится на 1640-е гг. После этого только добавляются новые лексемы, которые выверяются по греческому образцу: церковнославянские буквы ω , $\dot{\imath}$, \dot{n} , $\nu/\dot{\nu}(\dot{\nu}, \dot{\nu})$, ϕ , Δ , ξ , Ψ соотносятся с греческими буквами ω , ι , η , ν , ϕ , θ , ξ , ψ . В соответствии с этим в 1640-х гг. изменяется написание заимствованных слов. Сравним два издания одних и тех же богослужебных книг:

— декабрьская Минея 1636 г. — декабрьская Минея 1645 г.: ω заменяется на ω : $\dot{\imath}\omega\dot{n}\alpha$ 9, 207 об. — $\dot{\imath}\omega\dot{n}\alpha$ 8, 241 об. (*греч.* $\dot{\imath}\omega\nu\alpha\varsigma$), $\dot{\imath}\alpha\dot{\rho}\omega\dot{n}\alpha$ 225 — $\dot{n}\ \dot{\imath}\alpha\dot{\rho}\omega\dot{n}\alpha$ 223 об. (*греч.* $\Lambda\rho\acute{o}\nu$); ϕ заменяется на Δ : $\dot{\imath}\alpha\dot{n}\phi\dot{\imath}\mu\epsilon$ 401 об. — $\dot{\imath}\alpha\dot{n}\Delta\dot{\imath}\mu\epsilon$ 439 (*греч.* Ἀνθίμης);

— Триодъ Цветная 1640 г. — Триодъ Цветная 1648 г.: ϕ заменяется на Δ : $\beta\dot{n}\phi\dot{\imath}\dot{n}\dot{\imath}\alpha$ 4 об. — $\beta\dot{n}\Delta\dot{\imath}\dot{n}\dot{\imath}\alpha$ 3 (*греч.* Βηθανία); \dot{n} заменяется на $\dot{\nu}$: $\dot{\imath}\omega\dot{n}\rho\dot{\imath}\tau\dot{\imath}\alpha\dot{\imath}\nu\omega\epsilon$ 589 — $\dot{\imath}\omega\dot{n}\rho\dot{\imath}\tau\dot{\imath}\alpha\dot{\imath}\nu\omega\epsilon$ 530 об., $\tau\dot{\imath}\dot{n}\dot{\imath}\rho\dot{\imath}\tau\dot{\imath}\alpha\dot{\imath}\nu\alpha\gamma\omega$ 591 — $\tau\dot{\imath}\dot{n}\dot{\imath}\rho\dot{\imath}\tau\dot{\imath}\alpha\dot{\imath}\nu\alpha\gamma\omega$ 532 (*греч.* ὑπόστασις); \dot{n} заменяется на $\dot{\imath}$: $\dot{\imath}\dot{z}\dot{\imath}\dot{n}\dot{\imath}\alpha$ 5 — $\dot{\imath}\dot{z}\dot{\imath}\dot{n}\dot{\imath}\alpha$ 3 об. (*греч.* Ἰσραήλ);

— Пролог (вторая половина) 1643 г., который вышел на МПД впервые: в тексте слово печатается с буквой ν * $\xi\dot{\nu}\phi\dot{\imath}\mu\dot{\imath}\alpha$ 57 bis, 59 об., а на полях дана глосса под звездочкой с буквой ν * $\xi\dot{\nu}\phi\dot{\imath}\mu\dot{\imath}\alpha$ (*греч.* Εὐθύμιος).

Когда в начале XVIII в. Петр I решает устранить из азбуки буквы $\dot{\omega}$, ω , Ψ , ϕ , ξ , \dot{n} , \dot{z} , $\dot{\nu}$, А. И. Мусин-Пушкин просит Федора Поликарпова объяснить, зачем нужны эти буквы (два его письма и выдержки из третьего опубликованы В. М. Живовым в [1986: 65]). Ответное письмо Федора Поликарпова В. М. Живову обнаружить не удалось, поэтому исследователь восстанавливает его позицию по этому вопросу из предисловия к «Букварю» 1701 г. [Живов 2017: 940], в котором Ф. Поликарпов требует от учеников правильного употребления букв ξ , Ψ , Δ и ϕ , ν в соответствии с греческим написанием в словах $\xi\dot{n}\dot{\imath}\alpha$, $\Psi\dot{\alpha}\dot{\rho}\omega\dot{\imath}\alpha$, $\Delta\epsilon\sigma\dot{\omega}\rho\dot{\imath}\alpha$, $\tau\dot{\imath}\rho\dot{\imath}\phi\omega\dot{n}\alpha$ [Поликарпов 1701: 6–7]. Эти же мысли высказывались Ф. Поликарповым и в рукописных грамматическом трактате 1724 г. [Поликарпов 2000: 159] и «Технологии» 1725 г. [Там же: 252]. Интересно, что наличие дублетных букв в азбуке Федор Поликарпов обосновывает не принципом антистиха, а именно принципом транслитерации основ греческих лексем.

Но несмотря на то, что Петр I стремился порвать с традиционной славяно-греческой образованностью и ученой орфографией, буквы ϕ , ν , ξ , \dot{n} , \dot{z} , $\dot{\nu}$ были оставлены в окончательном варианте гражданской азбуки, утвержденной в 1710 г. Наличие в гражданской азбуке дублетных букв потребовало в дальнейшем их регламентации. Это осуществилось в нормализаторской деятельности академических переводчиков. Так, например, В. Е. Адодуров, подвергая правке русский текст немецкой грамматики М. Шванвица в 1734 г., употребляет буквы $\dot{\imath}/\dot{n}$ и ϕ/Δ в соответствии с принципом транслитерации греческих лексем²⁰ (В. М. Живов называет это этимологическим

²⁰ Кроме того, В. Е. Адодуров в этой грамматике устанавливает употребление $\dot{\imath}$ перед гласной, \dot{n} в прочих случаях [Живов 2017: 996], что соответствует распределению этих букв в церковнославянском языке по позиционному принципу (см. выше сн. 15).

принципом), что затем входит в практику Академии наук [Живов 2017: 996]. Таким образом, принцип транслитерации основ греческих лексем имманентно сохраняется и в гражданской орфографии XVIII — начала XX в. После постепенного исчезновения из русской азбуки букв Ѣ, Ѵ и устранения букв і и ѳ в 1918 г. данный принцип перестает действовать, однако в современной орфографии существует специальный раздел, регулирующий написание заимствованных слов, хотя это осуществляется уже и по другим принципам.

Принцип распределения акцентных знаков

Правила, по которым распределяются акцентные знаки, заимствуются славянскими книжниками из греческого языка: гравис (вария) ставится над последним слогом (в церковнославянском языке это оказывается последний неприкрытый слог), акут (оксия) — в остальных случаях. Особая ситуация возникает с обремененным ударением (каморой), изменения в употреблении которого происходят на всех четырех этапах становления орфографической нормы. Подробнее об эволюции функций знака каморы в изданиях второй половины XVI — первой половины XVII в. см. [Кусмауль 2017]. Кратко опишем эти этапы.

На первом этапе (вторая половина XVI — начало XVII в.) вариативными оказываются знаки каморы и вари́и или каморы и отсутствие акцентного знака над односложными словами и словоформами, оканчивающимися на гласную (например, вѣи и вѣи́, что и что́ и др.).

На втором этапе (1620-е гг.) эта вариативность сменяется однозначным распределением относительно признака «количества» гласных, искусственно введенного в грамматику и тексты по модели греческого языка. Этот признак не имеет реального фонетического смысла в церковнославянском языке. Над условно «долгими» гласными (н, ы, ѣ, ѡ, ѱ, Ѹ) ставится камора, а над условно «краткими» гласными (ѣ, о) — вари́я, то есть слова и словоформы вѣи́, мѣи́, чѣи́, ѡи́, вѣѣ, мѣѣ, чѣѣ, мѣѣѣ, гѣѣѣ, зѣѣѣ, ѣѣѣ, вѣѣѣѣ, чѣѣѣѣ и некоторые другие печатаются с каморой, а словоформы вѣѣ, ѣѣ, кѣѣ, чѣѣ, ѣѣѣ, ѡѣѣѣ — с вари́ей. В 1620-х гг. это распределение затрагивает только односложные слова с открытым слогом, что не является точной копией греческой акцентной системы, но соотносится с ней классификацией гласных по признаку количества.

На третьем этапе (конец 1630-х — первая половина 1640-х гг.) распределение акцентных знаков относительно «долготы/краткости» ударной гласной распространяется и на неодносложные слова. Правила грамматики о распределении акцентных знаков над неодносложными словами берут за основу греческую акцентную систему: камора ставится над последним или предпоследним «долгим» ударным слогом, если рядом находятся «краткие» слоги (например, ѣмоѱѣ, родѣѡѣѣ, вѣѣѣѣѣ, зѡѡѱѣѣѣ, тѡѡѣѣѣѣѣ). Если эти ус-

ловия не соблюдаются, то ставятся вария или оксия (прѣимѣ, моѣго, про-
дѣбѣ, соѣдѣнѣ). В связи с этим над «долгими» гласными вариативными
оказываются оксия/камора в середине слова и вария/камора над конечной
неприкрытой гласной, но не в одной и той же словоформе, а в разных. На-
пример, моѣте, но ѡѣльши, когѣѣхъ, но прѣѣжице. При этом на практи-
ке могли быть и отступления от правил грамматик (например, в словах
ѣмоѣце, ѣлѣ, в которых камора стоит над «долгим» гласным, находящимся
рядом с «долгим», а не «кратким» гласным; или в слове чѣдо, где буква ю
не относится ни к «долгим», ни к «кратким» гласным).

Подражательная система не может долго существовать в текстах. Упо-
требление каморы, обусловленное этими искусственными правилами, ис-
чезает из текстов уже в конце 1640-х гг. Однако в церковнославянском
языке сохраняется позиция для каморы в Р. п. мн. ч. существительных, где
она употребляется по аналогии с греческим языком. Принцип подражания
греческой акцентной системе в употреблении каморы сменяется принци-
пом антистиха (см. выше), который применяется на четвертом этапе во
второй половине XVII в.

Пересечение принципов церковнославянской орфографии

В результате применения разных принципов орфографии у некоторых
дублетных букв существуют разные правила их употребления, иногда про-
тиворечащие друг другу. Например, дублеты ѣ/ѡ и ѣ/н не используются
для противопоставления омонимичных грамматических форм, основным
принципом их распределения является позиционный принцип. Но дублеты
ѣ/ѡ в начале слова используются для различения семантических омонимов
ѣзыкъ 'народ' / ѡзыкъ 'орган речи, речь, язык пламени', поэтому у букв
ѣ/ѡ возникает дополнительное правило, применяющееся только к двум
лексемам и производным от них. Иначе говоря, буква ѡ в начале слова
становится маркером корня с определенным значением. Это дополнитель-
ное правило противоречит основному правилу, согласно которому буква ѡ
должна стоять только в середине и конце слова. Дублеты же ѣ/н употре-
бляются, помимо позиционного принципа, еще и по принципу транслitera-
ции основ греческих лексем и для различия семантических омонимов: бук-
ва ѣ ставится перед согласными в заимствованных словах и в корне мѣр-
в значении 'космос, вселенная', что противоречит общему правилу «ѣ перед
гласными».

Дублетные буквы ѡ/о/ѡ и ѣ/ѣ распределяются в соответствии с разны-
ми принципами. Согласно позиционному принципу дублеты распределя-
ются относительно начала (ѡ, ѣ) / неначала (о, ѣ) слова. У дублетов ѣ/ѣ
к этому распределению в начале 1640-х гг. добавляется графическое рас-
подобие (употребление ѣ в середине и конце слова после гласных ѣ, о, ѣ).
Распределение же дублетов ѡ/о осложняется ограничением: буква ѡ ис-

пользуется только в начале корня, тогда как префиксы (и предлоги) *о*, *об* оформляются с помощью буквы *ѡ*.

Распределение дублетов *о/ѡ* и *ѣ/ѥ* не в начале слова строится по принципу антистиха: буквы *о*, *ѣ* употребляются в формах ед. ч., а буквы *ѡ*, *ѥ* — в формах мн. ч., омонимичных формам ед. ч. К этим дублетным буквам присоединяется противопоставление акцентных знаков оксии (варии) / каморы. Кроме того, буквы *о*, *ѣ* и акцентные знаки оксия и вария ставятся в формах мн. и дв. ч., не омонимичных формам ед. ч. Другими словами, буквы *о*, *ѣ*, знаки оксия и вария являются основными графическими средствами передачи фонемного состава церковнославянского слова и выделения ударного слога в нем, а буквы *ѡ*, *ѥ* в середине слова и знак ударения камора — маркирующими графическими средствами. В середине слова распределение дублетов *о/ѡ* может также зависеть от принципа транслитерации основ греческих лексем: буква *о* ставится на месте греческой буквы *ο* *омикрон*, буква *ѡ* — на месте греческой буквы *ω* *омега*.

Основной функцией букв *ѣ/ѥ* после падения редуцированных становится обозначение твердости/мягкости согласных на конце слова, кроме того, иногда в середине слова буква *ѥ* ставится после мягких согласных, а буква *ѣ* во второй половине XVI — XVII в. ставилась на стыке морфем после твердых согласных. Употребление этих букв по принципу антистиха на конце слова противоречит основному принципу их употребления. Постановка буквы *ѥ* после твердой согласной *м* на конце причастий изменяет затем произношение слова, что противопоставляет омонимичные формы не только на уровне орфографии, но и на уровне фонетики.

После шипящих по традиционному принципу печатались в основном буквы *н* и *л*. Произношение букв *н/ѣ* и *л/ѡ* после шипящих не различается, что дает возможность использовать эти пары для противопоставления омонимичных грамматических форм. Однако употребление букв *ѣ* и *ѡ* после шипящих является нарушением традиционного принципа церковнославянской орфографии.

Таким образом, распределение разных дублетных букв подчиняется следующим принципам:

- *ѡ/ѡ* позиционному принципу,
- *ѡ/ѡ* позиционному принципу и принципу антистиха (противопоставления семантических омонимов),
- *ѣ/н* позиционному принципу, принципу антистиха и принципу транслитерации греческих основ (в этом принципе к паре *ѣ/н* добавляется еще буква *ѣ*),
- *ѡ/о/ѡ* позиционному принципу с добавлением противопоставления начала морфем, принципу антистиха, принципу транслитерации греческих основ,
- *ѥ/ѣ* позиционному принципу и принципу антистиха,
- *ѣ/ѥ* традиционному принципу и принципу антистиха,

— Ф/ϕ, κ/ξ, π/ψ принципу транслитерации греческих основ.

Акцентные знаки оксия и вария распределяются относительно позиции арной гласной: над последней неприкрытой гласной ставится вария, в остальных случаях — оксия. Распределение оксии (вариин) и каморы поддается принципу антистиха.

Возьмем словоформу *иссопом*. По фонематическому, традиционному и традиционному принципам возможна запись /i̯/ṽi̯so̯/w̃no̯/w̃mz. Знание того, что это слово заимствовано из греческого языка, позволяет сделать выбор по принципу транслитерации основ греческих лексем между тремя начальными буквами в пользу буквы ṽ, которая соответствует греческой букве υ, в середине слова между буквами о и ѡ в пользу буквы ѡ, которая соответствует греческой букве ω (ῥῶσσωπος). Выбор между о и ѡ во флексии осуществляется согласно принципу антистиха: если это форма Т. п. ед. ч.,

²¹ Отметим, что современные редакторы вычлняют эту орфографическую особенность исходя из церковнославянского узуса. См., например, перечисление именных и отглагольных словоформ, встречающихся в текстах, с написанием Ѡ/ѡ в начале слова в [Левшенко 2015: 94].

вуют три принципа: позиционный, антистиха и транслитерации. Если слово заимствованное, то для выбора нужной буквы необходимо знать правописание греческого образца. Если слово не заимствованное, то смотрим, нужно ли применять принцип антистиха, то есть не является ли это одной из грамматических форм или частей речи, которые необходимо выделить (см. список выше). Если же такой необходимости нет, то по позиционному принципу выбираются буквы Ѣ, Ѧ, Ѣ, Ѧ, а также по традиционному принципу буквы и, а после шипящих и буква з на конце слова после твердых согласных.

Вывод

Подведем итог становления принципов церковнославянской орфографии в период книгопечатания. На первом этапе развития орфографической нормы — во второй половине XVI — начале XVII в. — основным принципом распределения дублетных букв является позиционный принцип (начало/неначало слова/слога и перед гласной/согласной); иногда применяется идеографическая передача значения единичности в корне *-един-*. На втором этапе развития нормы — в 1620–1630-х гг. — к позиционному принципу добавляется принцип маркирования, от которого потом отказываются в 1640-х гг. На третьем этапе — в 1640-х гг. — позиционный принцип изменяется у некоторых дублетов и дополняется ударной/безударной позицией. В это же время формируются принцип транслитерации греческих основ и принцип антистиха с маркирующим дополнением. Этот этап является основным, когда закладываются принципы орфографии церковнославянского языка, определившие его орфографическую систему в Новое время. На четвертом этапе — во второй половине XVII в. — в рамках уже заложенных принципов изменяется употребление дублетов ѣ/Ѣ по позиционному принципу, добавляются новые позиции противопоставления в рамках принципа антистиха, выверяются новые лексемы по греческому образцу.

Дублетные буквы употребляются по разным принципам, поэтому у одной буквы может быть много различных правил употребления. Эти правила требуют знания орфографии греческого языка и умения делать грамматический анализ словоформы.

Принципы орфографии, введенные в стандартный книжный язык в середине XVII в., создают ученую разновидность традиционного книжного языка, от которой потом отказываются в Петровскую эпоху. Создание гражданского алфавита и отказ от некоторых дублетных букв приводит к отказу и от ученой орфографии, которая тем не менее продолжает существовать в книгах церковной печати до настоящего времени. В гражданской орфографии XVIII — начала XX в. от церковнославянского наследия сохраняется несколько правил: употребление буквы ї перед гласными и в корне *-мір-* (в значении *‘космос’*), а также распределение букв ї/и и ф/Ѣ в заимствованных словах в соответствии с орфографией языка-источника.

Источники**Старопечатные книги**

Апостол, Москва, Иван Федоров, 1 марта 1564. РГБ НИОРК, 2°, 8-й экз., инв. № 6233.

Апостол, Москва, Андроник Тимофеев Невежа, 1597. РГБ НИОРК, 2°, 3-й экз., инв. № 1362.

Апостол, Москва, Иван Андроников Невежин, 1606. РГБ НИОРК, 2°, 3-й экз., инв. № 1365.

Апостол, Москва, Печатный двор (печ. Иосиф Кириллов), 1623. РГБ НИОРК, 2°, 2-й экз., инв. № 4468.

Апостол, Москва, Печатный двор, 1631. 2°. РГБ НИОРК, 3-й экз., инв. № 3957.

Апостол, Москва, Печатный двор, 1644. 2°. РГАДА, БМСТ/СПК 34.

Апостол, Москва, Печатный двор, 1653. 2°. РГБ НИОРК, 3-й экз., инв. № 4078.

Евангелие, Москва, Анисим Михайлов Радишевский, 29.VI.1606. РГБ, НИОРК, 2°, 3-й экз., инв. № 2241 (лл. 40–89, всего 50 листов).

Минея общая, Москва, Андроник Тимофеев Невежа, 19.VIII.1600. РГБ НИОРК, 2°, 4-й экз., инв. № 1906.

Минея общая, Москва, Никита Федоров Фофанов, 6.XI.1609. РГБ НИОРК, 2°, 3-й экз., инв. № 2347.

Минея общая, Москва, Печатный двор (печ. Иосиф Кириллов), 1618. РГБ НИОРК, 4°, 3-й экз., инв. № 2861.

Минея служебная, декабрь, Москва, Печатный двор, 1636. РГБ НИОРК, 2°, 6-й экз., инв. № 4073.

Минея служебная, декабрь, Москва, Печатный двор, 1645. РГАДА, БМСТ/СПК 676, 2°.

Минея служебная, февраль, Москва, Печатный двор, 1622. ГИМ. Син. печ. № 50, 2°.

Минея служебная, февраль, Москва, Печатный двор, 1646. РГБ НИОРК, 2°, 2-й экз., инв. № 2156.

Октоих, Москва, Печатный двор, 1638. Часть 2 (гласы 5–8). РГБ НИОРК, 2°, 3-й экз., инв. № 4668.

Октоих, сиречь Осмогласник. С 1-го гласа по 4-й. М.: Синодальная типография, 1906.

Октоих, Часть 2 (гласы 5–8), Москва, Печатный двор, 1649. РГБ НИОРК, 2°, 2-й экз., инв. № 1833.

Пролог, 2-я половина (март—август), в 2-х частях, Москва, Печатный двор, 6.XII.1643 (издание А). РГБ НИОРК, 2°, 1 часть (март—май) — 5-й экз. инв. № 8454, 2 часть (июнь—август) — 2-й экз., инв. № 2595.

Псалтирь, Москва, Печатный двор, 31.XII.1642. РГБ НИОРК, 4°, 1-й экз., инв. № 4968.

Псалтирь, Москва, Печатный двор, 6.XII.1645. РГБ НИОРК, 4°, 6-й экз., инв. № 8930.

Службы и житие Николая Чудотворца, Москва, Печатный двор, 7.VIII.1643. РГБ НИОРК, 4°, 6-й экз., инв. № 9162.

Служебник, Москва, Печатный двор, 1655. 4°. [Электронный ресурс:] <http://old.stsl.ru/manuscripts/staropechatnye-knigi/21>.

Триодъ Цветная, Москва, Иван Андроников Невежин, 30.VIII.1604. РГБ НИОРК, 2°, 5-й экз., инв. № 1911.

Триодъ Цветная, Москва, Печатный двор, 1640. РГБ НИОРК, 2°, 3-й экз., инв. № 3360.

Триодъ Цветная, Москва, Печатный двор, 1648. РГАДА, БМСТ/СПК, 1823, 2°.

Г р а м м а т и к и

Лаврентий Зизаний. Грамматика словенка съвершенна икѣства ѡмнѣ члѣтѣй словѣ, и ѣны иѣны. Вильно, 1596.

Мелетий Смотрицкий. Грамматика словенка прѣблное ѡбѣтѣма. Евѣе, 1619.

Грамматика. М.: Печатный двор, 1648.

Грамматика *Син734* — рукописная анонимная грамматика, М., примерно конец 1620 — начало 1630-х гг. ГИМ, Синодальное собрание, № 734, 4°, лл. 1–102.

Грамматика. М.: Печатный двор, 1721.

Л и т е р а т у р а

Алипий 1991 — Алипий (Гаманович), иеромонах. Грамматика церковно-славянского языка. М.: Паломник, 1991.

Гальченко 2000 — М. Г. Гальченко. О времени появления и характере распространения ряда графико-орфографических признаков второго южнославянского влияния в древнерусских рукописях конца XIV — первой половины XV вв. // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. Сборник статей. М.: Древлехранилище, 2000. С. 123–152.

Живов 1986 — В. М. Живов. Азбучная реформа Петра I как семиотическое преобразование // Труды по знаковым системам. Вып. 19. Тарту, 1986. С. 54–67 (= Ученые записки Тартуского университета. Вып. 720).

Живов 1996 — В. М. Живов. Язык и культура в России XVIII века. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

Живов 2017 — В. М. Живов. История языка русской письменности: В 2 т. М.: Русский фонд содействия образованию и науки, 2017.

Запольская 2010 — Н. Н. Запольская. Неизвестная грамматика церковно-славянского языка XVII в. // Forma formans. Studi in onore di Boris Uspenskij. Napoli, 2010. С. 267–282.

Кузьминова 2001 — Е. А. Кузьминова. Антистих // Православная энциклопедия. Т. II. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2001. С. 549–552.

Кузьминова 2007 — Е. А. Кузьминова. Предисловие. Научный комментарий // Грамматика 1648 г. / Предисл., науч. коммент., подгот. текста и сост. указателей Е. А. Кузьминовой. М.: МАКС Пресс, 2007. С. 3–5, 495–612.

Кусмауль 2013 — С. М. Кусмауль. Нормализация употребления дублетных букв по принципу антистиха в процессе книжной справы середины XVII в. // Русский язык в научном освещении. 2013. № 1 (25). С. 223–243.

Кусмауль 2014 — С. М. Кусмауль. Книжная справа 1640-х гг. // Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. Vol. 3. № 1. М.: Институт славяноведения РАН, 2014. С. 72–101.

Кусмауль 2016a — С. М. Кусмауль. Эволюция принципов употребления буквы ѿ во второй половине XVI века — первой половине XVII века // Fontes Slavica Orthodoxa: Сборник научных статей / Под ред. Е. А. Потехиной и А. Г. Кравецкого. Olsztyn, 2016. С. 89–134.

Кусмауль 2016b — С. М. Кусмауль. Анонимная грамматика XVII в. и книжная справа 1620-х гг. // Русский язык в научном освещении. 2016. № 1 (31). С. 227–248.

Кусмауль 2017 — С. М. Кусмауль. Эволюция функций знака каморы в богослужебных изданиях конца XVI — первой половины XVII в. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия III: Филология. Вып. 51. М., 2017. С. 21–47.

Кусмауль 2018 — С. М. Кусмауль. Становление орфографических норм церковнославянского языка во второй половине XVI — первой половине XVII в. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2018.

Левшенко 2015 — Т. А. Левшенко. Графико-орфографическая система богослужебных книг: Справочные материалы и методические рекомендации. Буквы ѿ, ѿ // Журнал Московской Патриархии. 2015. № 6. С. 92–95.

Николенкова 2017 — Н. В. Николенкова. Московская орфография в рукописных и печатных текстах 1650–1660 гг. К вопросу о югозападнорусском влиянии // Die Welt der Slaven. Beiträge zum 20. Arbeitstreffen der Europäischen Slavistischen Linguistik (Polyslav). Т. 62. 2017. С. 109–114.

Николенкова 2018 — Н. В. Николенкова. Употребление прописной буквы в практике письма на фоне формирования орфографической нормы в XVII веке // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2018. № 6. С. 3–10.

Осипов 2010 — Б. И. Осипов. Судьбы русского письма: История русской графики, орфографии и пунктуации: монография. М.: Ин-т русского языка РАН; Омск: ИЦ «Омский научный вестник», 2010.

Поликарпов 1701 — [Ф. П. Поликарпов]. Книга букварь славянскими, греческими, римскими писменами, учиться хотящим, и любомудрие в пользу душеспасительную обрести тшачымся. М.: Печатный двор, 1701.

Поликарпов 2000 — Ф. Поликарпов. Технологія. Искусство грамматики / Издание и исследование Е. Бабаевой. СПб.: ООО «ИНАПРЕСС», 2000.

Соколов 1907 — Д. Д. Соколов. Справочная книжка по церковнославянскому правописанию. СПб., 1907.

Успенский 2002 — Б. А. Успенский. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). 3-е изд. М., 2002.

Ягич 1895 — И. В. Ягич. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. (Исследования по русскому языку). Т. 1. Отд. вып. СПб., 1885–1895.

Horbatsch 1964 — O. Horbatsch. Die vier Ausgaben der kirchenslavischen Grammatik von M. Smotryc'kyj. Wiesbaden, 1964.

Статья получена 28.03.2019

Svetlana M. Kusmaul

Russian state University for the Humanities
(Moscow, Russia)
kusmauls@yandex.ru

FORMATION OF THE PRINCIPLES OF CHURCH SLAVONIC SPELLING IN THE 17th CENTURY

The article describes the formation of the principles of Church Slavonic spelling in the first half of the 17th century. From the beginning of book printing to the end of the 17th century, standard bookish spelling went through four stages of development. Spelling principles which define the orthographic appearance of the modern Church Slavonic language were mainly formed in the 1640s, during the reign of Patriarch Joseph (1642-1652). In mid-17th century, the application of the principle of “antistikh” (orthographic differentiation of homonyms), the principle of transliterating stems of Greek lexemes, and the positional principle changed Church Slavonic spelling and formed a learned variety (in the terminology of V. M. Zhivov) of the standard book language. These principles determine the choice of doublet letters at the beginning / in the middle and at the end of a word in originally Slavonic lexemes as well as in lexemes borrowed from Greek. Sometimes different principles in some parts of the graphic system overlap, which creates conditions for variation. The choice of the correct doublet letter is made according to the grammatical characteristics of the word. As a result of the changes which occurred in the 1640s, spelling of the “learned” book language began to differ from the spelling of handwritten Church Slavonic texts. Some spelling rules and principles of the Church Slavonic language were also transferred into secular spelling, which began to form after Peter the Great’s reform of the alphabet.

Keywords: principles of Church Slavonic spelling, principle of “antistikh” (orthographic differentiation of homonyms), history of spelling, Patriarch Joseph.

References

- Alipiy (Gamanovich). (1991). *Grammatika tserkovno-slavyanskogo yazyka*. Moscow: Palomnik.
- Galchenko, M. G. (2000). O vremeni poyavleniya i kharaktere rasprostraneniya ryada grafiko-orfograficheskikh priznakov vtorogo yuzhnoslavyanskogo vliyaniya v drevne-russkikh rukopisyakh kontsa XIV — pervoy poloviny XV vv. In *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriya russkogo yazyka* (pp. 123–152). Moscow: Drevlekhnilishche.
- Horbatsch, O. (1964). *Die vier Ausgaben der kirchenslavischen Grammatik von M. Smotryc'kyj*. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Kusmaul, S. M. (2013). Normalizatsiya upotrebleniya dubletnykh bukv po printsipu antistikha v protsesse knizhnoy spravy serediny XVII v. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*, 1, 223–243.
- Kusmaul, S. M. (2014). Knizhnaya sprava 1640-kh gg. *Slověne. International Journal of Slavic Studies*, 3(1), 72–101.
- Kusmaul, S. M. (2016). Evolyutsiya printsiptov upotrebleniya bukvy w vo vtoroy polovine XVI veka — pervoy polovine XVII veka. In E. A. Potekhina, & A. G. Kravetsky (Eds.), *Fontes Slavia Orthodoxa* (pp. 89–134). Olsztyn: Centrum Badań Europy Wschodniej Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego.

- Kusmaul, S. M. (2016). Anonimnaya grammatika XVII v. i knizhnaya sprava 1620-kh gg. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*, 1, 227–248.
- Kusmaul, S. M. (2017). Evolyutsiya funktsiy znaka kamory v bogoslužhebnykh izdaniyakh kontsa XVI — pervoy poloviny XVII v. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya III: Filologiya*, 51, 21–47.
- Kusmaul, S. M. (2018). *Stanovlenie orfograficheskikh norm tserkovnoslavyanskogo yazyka vo vtoroy polovine XVI — pervoy polovine XVII v.* (doctoral dissertation). Moscow.
- Kuzminova, E. A. (2001). Antistikh. In *Pravoslavnyaya entsiklopediya* (Vol. 2, pp. 549–552). Moscow: Pravoslavnyaya entsiklopediya.
- Kuzminova, E. A. (Ed.). (2007). *Grammatika 1648 g.* Moscow: MGU.
- Levshenko, T. A. (2015). Grafiko-orfograficheskaya sistema bogoslužhebnykh knig: Spravochnye materialy i metodicheskie rekomendatsii. Bukvy n, w. *Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii*, 6, 92–95.
- Nikolenkova, N. V. (2017). Moskovskaya orfografiya v rukopisnykh i pechatnykh tekstakh 1650–1660 gg. K voprosu o yugozapadnorusskom vliyani. *Die Welt der Slaven. Beiträge zum 20. Arbeitstreffen der Europäischen Slavistischen Linguistik (Polyslav)*, 62, 109–114.
- Nikolenkova, N. V. (2018). Upotreblenie propisnoy bukvy v praktike pis'ma na fone formirovaniya orfograficheskoy normy v XVII veke. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshey shkoly*, 6, 3–10.
- Osipov, B. I. (2010). *Sud'by russkogo pis'ma: Istoriya russkoy grafiki, orfografii i punktuatsii*. Moscow: In-t russkogo yazyka RAN; Omsk: Omskiy nauchnyy vestnik.
- Babaeva, E. (Ed.). (2000). *F. Polikarpov. Tekhnologia. Iskustvo grammatiki*. St. Petersburg: INAPRESS.
- Sokolov, D. D. (1907). *Spravochnaya knizhka po tserkovno-slavyanskomu pravopisaniiyu*. St. Petersburg.
- Uspenskiy, B. A. (2002). *Istoriya russkogo literaturnogo yazyka (XI–XVII vv.)* (3rd ed.). Moscow: Aspekt Press.
- Yagich, I. V. (1885–1895). *Rassuzhdeniya yuzhnoslavyanskoy i russkoy stariny o tserkovnoslavyanskom yazyke. (Issledovaniya po russkomu yazyku)* (Vol. 1). St. Petersburg.
- Zapolskaya, N. N. (2010). Neizvestnaya grammatika tserkovnoslavyanskogo yazyka XVII v. In S. Bertolissi, & R. Salvatore (Eds.), *Forma formans. Studi in onore di Boris Uspenskij* (pp. 267–282). Napoli: M. D'Auria Editore.
- Zhivov, V. M. (1986). Azbuchnaya reforma Petra I kak semioticheskoe preobrazovanie. *Trudy po znakovym sistemam*, 19, 54–67.
- Zhivov, V. M. (1996). *Yazyk i kul'tura v Rossii XVIII veka*. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
- Zhivov, V. M. (2017). *Istoriya yazyka russkoy pis'mennosti*. Moscow: Universitet Dmitriya Pozharskogo.

Received on March 28, 2019